

Пятница, 20 декабря 1996 г.

Прошла неделя после «ссоры» (как стали называть это учащиеся), и Гермиона провела неделю, наблюдая за изменениями в школе. Первым заметным изменением было то, что страх перед Гарри вернулся в башню Гриффиндора. Почти все Гриффы были в Большом Зале, когда он рухнул; а те, кто не был, были быстро проинформированы.

Гермиона была разочарована многими из них, включая Рона. Рон Уизли начинал как третий друг, которого Гарри когда-либо знал после Хагрида и Хедвиг, и самый первый друг его возраста, которого Гарри когда-либо имел в своей несчастной жизни. Но Рон не соответствовал своему гриффиндорскому наследию. Вместо того чтобы быть хорошим другом и поддерживать Гарри, он отступил.

Магглорожденная ведьма привыкла к тому, что ее игнорировало большинство окружающих, но она определенно не привыкла к тому, чтобы ее игнорировал Рон. Она могла сказать, что то, что сделал Гарри, глубоко расстроило Рона, но понятия не имела, почему. В Гриффиндоре определенно не было ни одного человека, который думал, что Панси должна вернуть свою магию. На самом деле, она слышала, как многие из них говорили, что сука-садистка легко отделалась.

Поэтому она ждала в общей комнате в тот пятничный вечер после ужина, надеясь увидеть одного из соседей Гарри по общежитию, чтобы отправить ему сообщение. Ей очень, очень, очень нужно было поговорить со своей лучшей подругой. Дверь с портретом открылась, и вошла шумная банда, включая Рона и Невилла.

Рон посмотрел на нее и довольно вежливо сказал: — Привет, Гермиона. Затем, обращаясь к своим товарищам: «Увидимся завтра на поле первым делом, верно?»

Он действительно играет в роль звезды команды, теперь, когда Гарри не играет, подумала она. Она была рада, что у него есть чем гордиться; что-то, чем он не должен был делиться со своими братьями и сестрами. — Невилл, — позвала она тихого мальчика.

— Привет, Гермиона, — сказал Невилл. Как и все остальные мальчики, Невилл немного подрос и становился очень милым (хотя и очень тихим) юношей. — Тебе что-то нужно?

Ее слова прозвучали в спешке. «Нев, ты не мог бы передать это Гарри для меня? Я не знаю, там он или нет, но это либо попросить тебя, либо послать ему сову, и я чувствую себя глупо, отправляя сову с письмом просто чтобы уйти. Наверху, так что если он там, я имею в виду, если он не слишком занят...

«Хорошо, Гермиона! Ты в порядке? Сделай вдох. Я могу чем-то помочь?»

Она резко взглянула на его слова, но увидела, что он не высмеивает ее. Он искренне беспокоился о ней. Она попробовала неуверенно улыбнуться, сказав: "О... Прости, Невилл...

просто... ты видишь, это действительно..." Затем она остановилась, боясь, что вот-вот расплачется.

— Подожди здесь, Гермиона, я прослежу, чтобы все были в порядке. Сейчас вернусь. Невилл неловко похлопал ее по плечу, не совсем понимая, как это делать, прежде чем рвануть вверх по лестнице. Вскоре он вернулся, Гарри тащился за ним.

Гарри вошел в гостиную и увидел, что Гермиона ходит взад-вперед и заламывает руки, точно так же, как он видел ее в ту ночь, когда МакГонагалл и Липфарвест напились и потеряли сознание. Он сразу же подошел к ней и положил руки на ее сцепленные ладони, мягко говоря. "Эй... эй, что случилось?"

«Гарри, я просто...» прежде чем остановиться. Она увидела, что ее маленькая сценка привлекла внимание всех в комнате. «Гарри, могу я поговорить с тобой наедине? Это очень важно, и мне нужен твой совет».

Он посмотрел на ее взволнованное лицо, карие глаза искали ответ. "Конечно, конечно." Он оглядел комнату, прежде чем сказать: «Почему бы нам просто не пойти прогуляться? До комендантского часа еще два часа, а сегодня вечером у меня нет тренировок».

Гарри продолжал держать ее правую руку левой, поднимая правую в воздух. Через несколько секунд его ходячий посох проплыл вниз по лестнице, через открытый дверной проем и попал в его руки. — Вот, — сказал он. "Пойдем." Все еще держа ее за руку, он провел ее через дверь и по коридору.

Резко шагнув мимо доспехов и завернув за угол, он втянул ее в комнату, которая для всего мира выглядела как заброшенная комната общежития; как будто это общая комната для меньшего пятого дома. Он закрыл дверь и сказал: «Огни», в результате чего зажглось несколько ламп, а в камине загорелся огонь.

Ее желание все знать немного преодолело тревогу, и она спросила: «Гарри, что это за комната?»

«Это общая комната для старосты Гриффиндора и старшеклассницы. Поскольку в этом году старосты и старосты не из Гриффиндора, эта сюита остается пустой. Вот почему все так пыльно».

Гермиона огляделась и увидела несколько удобных предметов мебели. Эта комната, наряду с невидимыми спальнями, могла бы стать очень хорошей квартирой для руководителей школ. Она стояла неподвижно и закрыла глаза, глубоко дыша.

— Гермиона, что случилось?

— Я просто должна сделать это первой, Гарри, — выдохнула она. Затем она открыла глаза и подняла палочку перед собой. «Я, Гермиона Джейн Грейнджер, клянусь своей магией, что я сознательно не раскрою никаких секретов Гарри Поттера никому, в любое время, в любой форме и в любом месте без его предварительного разрешения. Enim fides » .

Послышался тихий тихий звук пыхтения, и ее волосы слегка зашевелились, как будто их щекотал легкий ветерок. Гарри просто стоял и смотрел на ее Клятву Ведьмы, не зная, куда все это идет. Он был исполнен идеально и правильно... но, конечно, так оно и было, учитывая заклинателя.

Она повернулась к нему лицом, но не могла поднять на него глаза. Он знал, благодаря своей способности видеть всю ее ауру, что она говорила великую правду.

«Гарри, мне жаль, что я выдал твои секреты Дамблдору. Мне жаль, что я наговорил о тебе Ордену. Я... я действительно забочусь о тебе». Из уголка одного глаза скатилась слеза. — Я думал, что поступаю правильно, но я просто вел себя как отвратительный маленький болтун-всезнайка. снова рассказал мне какой-нибудь из твоих секретов». Она понюхала это; он мог видеть, что эта мысль действительно причиняла ей боль. "Я просто хотел, чтобы ты мог доверять мне... быть рядом со мной... как мы раньше..."

Это было все, что она успела сделать, прежде чем она больше не могла говорить сквозь слезы. Что бы Гарри ни чувствовал в тот момент, он никак не мог смотреть на ее одинокую фигуру, обнажающую перед ним свою душу и свой позор, и не тронуться.

Но он также мог сказать, что это не будет 10-секундным плачем в виде объятий. Он проковылял к ближайшему креслу и сел в него, положив колени на пуфик. Затем он протянул руки и левитировал ее, чтобы разделить с ним стул. Теперь она открыто рыдала, наполовину у него на коленях, наполовину на стуле. Он держал ее так близко и так тепло, как только мог.

— Гермиона, я...

«О, Боже, нет! Гарри, пожалуйста, не ненавижь меня...» — всхлипнула она, прежде чем снова зарыдать в его рубашку, обеими руками схватившись за воротник, чтобы удержать его ближе. "Пожалуйста, я сделаю все, что угодно, только пожалуйста, не отталкивай меня снова... аааааааааа..."

Гарри прижимал плачущую молодую женщину к себе. Он проверил ее ауру и увидел, что она была глубоко ранена и эмоционально повреждена тем, что она восприняла как его неприятие ее. Посмотрев немного глубже, он также увидел более значительный ущерб, вызванный ее новым пониманием того, что она несет ответственность за разлом.

Он знал, что у него есть сила, знания и ловкость, чтобы напрямую восстановить ее ауру и отредактировать ее разум. Но он также знал, хотя и не знал, откуда он это знает, что исцеление может быть столь же эффективным с помощью нескольких слов. Он подождал, пока уляжется ее эмоциональная буря, и погладил ее по волосам, погладил по плечам и потянулся

под нее, чтобы побезопаснее усадить ее к себе на колени.

— Гермиона... — нежно шептал он ей на ухо снова и снова. "Гермиона..." Гарри продолжал свои медленные ласки и поддерживающий шепот, пока ее плач не прекратился. Не желая отпускать ее, он, тем не менее, освободил руку достаточно долго, чтобы наколдовать для нее коробку с салфетками.

Когда она увидела коробку, которую он ей протягивал, она снова чуть не разозлилась. «Ах, ты», — захныкала она, прежде чем приступить к вытиранию лица. Она издавала звуки и слова, которые всегда произносят женщины, когда их застенчивость возвращается в норму. «Должно быть, я ужасно выгляжу, я в беспорядке» и тому подобное.

Гарри взял ее лицо в свои руки и сказал: «Гермиона, посмотри на меня». Он сказал это очень мягко, но она не смогла устоять перед ним и подняла голову. Он смотрел ей прямо в глаза своими зелеными, и она была заворожена; пришпиленный взглядом, как бабочка на доске лепидоптеролога. Она наблюдала за вихрем его глаз и чувствовала порыв его следующих слов.

— Гермиона, я люблю тебя.

Глаза приблизились, пока его губы не коснулись ее губ в поцелуе. Не полуслучайное или неуверенное прикосновение губ, а настоящий поцелуй. Она не знала, когда они поменялись списками наставника и ученика, но теперь это было совершенно очевидно. Гарри больше не был учеником. Его поцелуй был нежным, мягким, влажным, медленным, внимательным и... вкусным.

Хотя она и раньше касалась губ, она навсегда запомнила это как свой первый поцелуй.

Когда он отстранился, ее глаза были закрыты. На ее лице была полная сосредоточенность. Самое главное, повреждение, которое он увидел в ее ауре, заживало очень быстро. Либо она чрезмерно анализировала происходящее, либо пыталась запомнить каждую наносекунду. Он надеялся, что это последнее.

— Эй, — мягко позвал он. Ее глаза открылись, пораженные и чудесные. — У меня есть кое-что, что я хочу тебе показать. Она тут же покраснела, рассказывая миру то, что, по ее мнению, он имел в виду. — Нет, глупышка. Хочешь посмотреть, где я живу?

Она почти сразу испугалась. "Эм... Только если... Я имею в виду... Ты уверен?"

— Добби, — позвал он нормальным голосом.

Домовой эльф появился почти сразу, проверяя периметр, чтобы увидеть, не попал ли в беду его хозяин и друг. — Да, мастер Гарри, что случилось?

«Готов ли наш дом к приему гостей?»

Глаза Добби расширились, за ними последовала широкая улыбка. "Мисс Грейнджи хозяина Гарри приедет в гости?"

«Добби, ты не мог бы поставить чайник? И я думаю, что это было бы прекрасное время, чтобы съесть свою любимую еду. Верно? Хорошо, мы сейчас будем».

Добби щелкнул пальцами и исчез. Он посмотрел в лицо Гермионы, у которого было самое странное выражение. Она выглядела так, словно готова была взорваться, но не желала говорить, что было именно так.

Гарри не мог не улыбнуться. «О, Добби теперь живет со мной. Я думаю, он получает удовольствие, рассказывая своим друзьям, что он самый высокооплачиваемый эльф во всей Великобритании».

Под своими руками он чувствовал, как напряжение покидает ее плечи. Она немного повернулась у него на коленях и подняла голову, чтобы снова поцеловаться. Гарри согласился, не торопясь, так как с поцелуями не следует торопиться. На этот раз движение теплой, милой и милой ведьмы на него вызвало более предсказуемую реакцию. Отказываясь смущаться или бояться, он просто позволил себе расти под ее теплой задницей и ждал ее реакции.

Когда Гермиона это заметила, она немного ахнула и посмотрела на него, по-видимому, удивленная. — Гарри... — начала она.

"Да любовь?"

— Я... — начала она, а потом яростно покраснела. "Я имею в виду... Правда?"

Глядя ей прямо в глаза, чтобы она могла почувствовать правду его слов, он прижался губами к ее губам и заговорил прямо в ее губы. «Могут быть способы подделать это, а может и нет». Он целовал случайные промежутки времени между словами, как лишний знак препинания. — Но если и есть способы, я их не знаю.

Они продолжали исследовать мягкость и твердость еще мгновение, прежде чем «хлопок» возвестил о прибытии Добби. «Мастер Гарри, чай готов», — сказал эльф с поклоном и широкой улыбкой.

<http://tl.rulate.ru/book/80319/2440572>